

Борис ОРЕХОВ

■ 26 апреля люди сгорали живьем, а дома засыпало черным снегом.

СТРАШНАЯ НОЧЬ

01:23

Ничего не предвещало беды. На Чернобыльской АЭС планировали эксперимент на одном из турбогенераторов. Он закончился взрывом, который полностью уничтожил четвертый реактор станции.

На месте погиб оператор Валерий Ходемчук, став первой жертвой катастрофы. Его тело, заваленное тоннами обломками, так и не нашли. Город Припять, где жили атомщики, тем временем засяло черным снегом - это летел графит из разрушенных блоков.

В окрестном лесу заночевали туристы. Ложались спать весной, среди распускавшейся зелени, а проснулись глубокой осенью - палатку засыпало пожухлой скрюченной листвой. Туристы решили, что они сошли с ума.

В атмосферу выбросило огромное количество радиоактивных веществ. Первыми в борьбу с катастрофой вступили городские пожарные. Из средств защиты на них были только брезентовые робы, рукавицы и каски.

02:30

Здание реактора напало огромную развороченную консервную банку. Погас свет, отключился телефон. В воздухе - густая взвесь из пара и пыли. Вспыхивают искры электрозамыкателей. Повсюду течет горячая радиоактивная вода.

- Все было завалено шипящими обломками, - вспоминал оператор Олег Генрих, чудом уцелевший при взрыве. - Единственный свет - выбитые в коридорах окна. Мы еле-еле различали силуэты друг друга. У меня на глазах моего напарника Анатолия Кургуза обварило паро-водяной смесью - это был ужас. Жгло веки и горло, стягивало кожу, перехватывало дыхание.

От дымящихся завалов людей обстреливало гамма-лучами в пятнадцать тысяч рентген. Уже через полчаса пребывания в таком аду начинают проявляться признаки сильного ра-

Сейчас над взорвавшимся реактором водружен саркофаг и находится рядом не настолько опасно. Но поначалу людей защищали лишь маски-лепестки.

«ЖГЛО ВЕКИ И ГОРЛО,
ПЕРЕХВАТЫВАЛО ДЫХАНИЕ»

диоактивного облучения - слабость, рвота, ядерный «загар».

04:00

Пожарным и работникам станции удалось локализовать возгорание, не дав огню перекинуться на третий энергоблок. Многим это стоило жизни. Только в первые сутки после аварии от лучевой болезни умер тридцать один человек.

Припять тем временем экстренно эвакуируют. Подогнали полторы тысячи автобусов и крытых грузовиков. На них вывезли 44 460 из 49 000 жителей. Остальные покидали зловеще опустевший город на своих автомобилях.

05:00

В борьбу со смертельной стихией бросают военную авиацию.

- В пять утра 26 апреля меня в Киеве разбудил звонок дежурного, - вспоминал Герой Советского Союза, генерал-полковник Анатолий Антошкин, командовавший авиагруппировкой в Чернобыле. - Уже вечером с оперативной группой я стоял на крыше гостиницы «Припять».

В километре дымил развороченный взрывом реактор.

Тушили очаг с вертолетов. По тревоге перебросили 51-й гвардейский полк. Он только что вышел из Афганистана, и снова - в огонь. Опасное пятно, по согласованию с учеными, запечатывали мешками с песком. Их сбрасывали техники вручную, когда вертолет зависал над горящим жерлом на высоте двухсот метров. Радиационный фон в точке сброса зашкаливал за 3,5 тысячи рентген. Но вертолетчики этого просто не знали. Их приборы измеряли радиацию всего до пятисот рентген.

- Офицеры понимали, что получают огромную дозу облучения, но никто ни разу не свернул с боевого курса. Многие отказывались отдыхать. Их силой отгоняли от машин. Спали по пять часов в сутки. Затем снова садились в кабину и шли на реактор, - рассказывал Антошкин.

РОБОТЫ ЛОМАЛИСЬ, ЛЮДИ - ДЕРЖАЛИСЬ

...Это было только начало. Всего в борьбе с радиационным апокалипсисом участвовали триста тысяч

солдат. И столько же добровольцев из всех республик Союза. Позже тех, кто выживет, назовут ликвидаторами. Они убрали вручную смертоносные частицы реактора. Снимали зараженный асфальт, стелили новый. Засыпали реактор, охлаждали, укрепляли, деактивировали. Строили защитный саркофаг.

- Каждый день нам выдавали новый комплект одежды, старый сжигали, - вспоминал Роман Соколовский, в то время замполит батальона отдельного полка гражданской обороны Северо-Кавказского военного округа, переброшенного в зону атомного бедствия. - На уборку от обломков крыши третьего реактора сначала запустили японских роботов. Но те развалились, не выдержав радиации. Надежда была только на людей.

И люди выполнили свой долг до конца. Получали огромные дозы облучения, но продолжали работать, потому что так было надо, чтобы спасти страну, да что там страну - половину Европы от еще более чудовищных последствий, которые и без того были ужасными.

Дмитрий ВОРОБЬЕВ

■ Алексею Афанасьеву было 23 года, когда он оказался в самом пекле атомной катастрофы.

Июнь 1986 года. За плечами будущего ликвидатора - оконченный институт, год работы в автобазе №6 треста «Новгородстройтранс» и подходящая к концу отсрочка от армии в связи с рождением ребенка.

- По повестке я явился в военкомат, - вспоминает Алексей Афанасьев. - На сборы дали несколько дней. Никто не ожидал, да нам, новобранцам, и не говорили, что отправляют в Чернобыль. Хотя некоторые прямо спрашива-

Строитель саркофага:

ДАЖЕ НЕ СКАЗАЛИ, ЗАЧЕМ МЫ ЕДЕМ

ли. Узнали уже на месте, когда в Киев приехали. По дороге встретили бабулю, бросившую фразу: «О, еще одну бригаду смертников привезли». Было неприятно, мороз по коже пробежал. Я вообще приехал с двумя чемоданами вещей, но все пришлось выбросить. Если бы знал, то

взял бы только зубную щетку, носки и трусы. Особых средств защиты не было. Дали лепесток, подобие маски, что мы сейчас носим из-за пандемии. А лето 86-го выдалось жарким, он быстро намокал и его просто выкидывали. Дали еще фуфайки, хлопчатобумажные

робы, ботинки на толстой резиновой подошве.

На самой станции работали по сменам. Было напряженно, во время отдыха снижали уровень радиации в бывшем интернате.

- Шел дозиметрист и говорил: этим одеялом не пользуйтесь, под этим деревом не сидите. Был случай, когда один парень присел перекурить на камень, а это оказался охлажденный кусок радиоактивного графита. В итоге инвалидом остался. Ну мы же молодые, нам и в футбол хотелось поиграть. Тогда-то я и потерял впервые голос, надышавшись радиоактивной пылью. Потом это случалось еще несколько раз.

Последний месяц пребывания на ЧАЭС Алексей Афанасьев работал прорабом по строительству саркофага. Находиться в самом пекле разрешалось две минуты, но чтобы на шестидесятиметровую высоту поднять стройматериалы, уходили все пятнадцать. Полтора-два рентгена за смену считались нормальной дозой, однако в той суматохе за дозиметрами редко следили.

Сейчас он с улыбкой вспоминает случай, как его едва не вытолкали из машины люди с большими звездами на погонах.

- Жена прилетала на несколько дней, и мне нужно было попасть в Киев, чтобы проводить ее на са-

молет. Я тормознул машину и попросил подбросить до Иванкова - это как раз тридцатикилометровая зона. Едем мы, и чем дальше, тем больше приборы показывают уровень радиации. Генералы, полковники переглядываются и не понимают, в чем дело. А это от меня фонило! Доехали мы до станции перегрузки, они и говорят, мол, дела тут срочные возникли - не повезем. Я только вышел из машины, так они как дали по газам...

На станции ликвидатор пробыл три с половиной месяца. Уже дома, в Новгороде, узнал, что в организме есть щитовидная железа, которая и сегодня не дает покоя: повышенное давление. Как итог - инвалидность.

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА